

ТРИСТА ТЫСЯЧ. ТРОЕ

КНИГА ПЯТАЯ. SEXWIFE

Quentin Bisch

Реальные истории

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Quentin Bisch

**Триста тысяч. Трое. Реальные
истории. SEXWIFE. Книга пятая**

«Автор»

2026

Bisch Q.

Триста тысяч. Трое. Реальные истории. SEXWIFE. Книга пятая / Q. Bisch — «Автор», 2026

Они положили меня на шёлковые простыни. Моя кожа горела. Эмин навис сверху, вошёл медленно, с нажимом. Я выгнулась, впиваясь ногтями в его плечи. Внутри всё сжалось, разжалось, приняло до основания — до боли, которая тут же стала жаром. Алан встал на колени у моего лица. Его член коснулся губ. — Открой, — сказал он тихо. Я послушалась. Мир сузился до двух точек. Они двигались в такт, и я была между ними. Ислам снимал на камеру — красный огонёк мерцал. Потом Эмин вышел. Меня перевернули на живот. Пальцы Ислама, скользкие от смазки, коснулись ануса. Он растягивал его медленно, шепча: «Дыши». Я дышала — каждый выдох открывал меня сильнее. Эмин лёг на спину. Я нависла над ним, и он вошёл в меня спереди. А сзади прижался Ислам. — Не спеши, — шепнул Эмин. Они вошли одновременно. Я чувствовала их через тонкую стенку плоти — два жара, разделённые миллиметром. Они создали живую встречную волну, раскачивающую меня. Я уже не стонала — я выла. — Смотри на меня, — приказал Эмин.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	7
ГЛАВА 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Quentin Bisch

Триста тысяч. Трое. Реальные истории. SEXWIFE. Книга пятая

ГЛАВА 1

Квентин.

Пачка купюр лежала на столике, под слабым светом бра, тяжёлая, увесистая. Я смотрел на неё и не верил, что это — цена моей жены на одну ночь. Вернее — цена моего согласия. Цена моего малодушия. Цена того, что во мне что-то сломалось, а что-то — напротив, проснулось и теперь жгло изнутри другим, стыдным огнём.

Барсетка Алана была туго набита. Он швырнул её мне с таким видом, будто платил за выпивку, а не за то, что трое незнакомых мужчин уведут мою Юлю в свой номер. Не за то, что будут делать с ней всё, что захотят. А я — буду сидеть, в пустом номере, и ждать. Ждать...

Или — пойти посмотреть? Он сказал: «Если надумаешь — три коротких стука. Тихо».

Я судорожно глотнул холодного пива. В голове пульсировала одна мысль: Я это сделал. Я продал её. Нет, я не продал. Я... разрешил. Я — ничтожество. Я — возбуждён до потери пульса.

Как же всё дошло до этого? Всего сутки назад мы садились в самолёт, летевший к Чёрному морю. Казалось, это будет просто отпуск. Последняя попытка спасти то, что ещё осталось.

А началось всё, кажется, не в Анапе, и даже не в самолёте. А ещё раньше. В тот момент, когда я впервые поймал себя на мысли: «А что, если...» Мысль была незаконченной, грязной, пугающей. И оттого — невероятно сладкой.

Я поднял голову и увидел её. Она шла обратно из бара, пробираясь между столиков. Юля. Моя жена. Её платье цвета морской волны облегалo тело, лицо было раскрасневшимся от танцев и выпитого вина, подаренного ими. Её глаза блестели — азартом, опасностью, предвкушением.

Она села, отхлебнула из бокала и посмотрела на меня. Взгляд был вызовом.

— Ну что, котёнок? Решил, как будешь проводить вечер? — голос её звучал хрипло и нарочито нежно.

— Я... Я, пожалуй, поднимусь в номер, — выдавил я. — Устал.

— Устал, — передразнила она, и в уголке её губ дрогнула усмешка. — Ладно. Иди. Я ещё... задержусь. Меня ждут.

Она кивнула в тёмный угол зала, где сидели они. Трое. Смуглые, в дорогих рубашках, с тяжёлыми цепями на шеях. Один из них — Эмин — поднял бокал в нашу сторону. Приветственный жест хозяина жизни.

Меня затрясло. От злости? От страха? От возбуждения? Не знаю. Всё смешалось в один клубок, застрявший в горле.

— Юль, давай всё-таки... — начал было я.

— Что «давай»? — она наклонилась ко мне через стол, и я почувствовал запах дорогого вина и её духов. — Ты же сам всё решил. Деньги-то уже взял? Взял, я вижу.

Её взгляд упал на барсетку, которую я инстинктивно прикрыл рукой.

— Это... Это просто... — я безнадежно запнулся.

— Не оправдывайся, — отрезала она, и её тон внезапно стал холодным. — Ты хотел этого. С самого начала. Ещё в том самом номере, когда работник застал меня голой... Ты тогда

просто взбесился от возбуждения. Ты захотел, чтобы на меня смотрели. Чтобы меня хотели другие. Чтобы я была не только твоей.

Она говорила тихо, но каждое слово било точно в цель.

— Я не... — попытался я возразить, но она уже вставала.

— Молчи. Иди. Или оставайся и смотри. Как тебе больше нравится, — бросила она через плечо и пошла. Пошла к их столику. Не оглядываясь.

Я видел, как Эмин встал ей навстречу, как обнял за талию, как его рука скользнула чуть ниже, чем позволительно. Видел, как Юля рассмеялась, запрокинув голову.

В ушах зазвенело. Я схватил барсетку, сунул её под куртку и, почти бегом, покинул ресторан. Мне нужно было побыть одному. Или... нет? Может, пойти за ними? Увидеть всё? Страшно. Унизительно. Невыносимо.

И чертовски... желанно.

Лифт медленно поднимался на седьмой этаж. Я прислонился головой к холодной стенке и закрыл глаза. Передо мной поплыли картинки: Юля в номере с тремя незнакомцами. Их руки. Их рты. Её тело... А я... я где? Я за дверь? Я смотрю? Или я просто трус, который спрячется здесь, в номере, и будет ждать, пока ...

Лифт дёрнулся. Мои глаза сами открылись. Я вышел в пустой, освещённый тусклым светом коридор. Дверь нашего номера — 763 — казалась порталом в другую реальность. Я вошёл, щёлкнул выключателем. Полутьма. Две отдельные кровати. Её чемодан, распакованный. Моя книга на тумбочке. Всё как всегда. И всё — уже не так.

Я подошёл к мини-бару, достал маленькую бутылку виски, открутил крышку и сделал большой глоток. Жар разлился по желудку, но не принёс покоя.

Триста тысяч. За что? За моё молчание? За моё согласие? Или за то, что я — наконец-то! — признал правду? Правду, которую мы оба знали, но боялись озвучить.

Наша брачная кровать давно стала полем битвы. Битвы её растущих аппетитов — к деньгам, к роскоши, к вниманию — и моей растущей несостоятельности. Я не мог дать ей того, что она хотела. Не мог быть тем, кем она меня хотела видеть. Я — неудачник. Прогоревший бизнесмен. Муж, который не может содержать жену в стиле, к которому она привыкла.

И вот — выход. Грязный, унизительный, порочный. Но выход. Она получает то, что хочет: внимание, опасность, возможно, какие-то подарки потом. А я... Я получаю деньги. И адское, гнетущее возбуждение, от которого сейчас сойду с ума.

Я допил виски и упал на кровать, уткнувшись лицом в подушку, от которой пахло её шампунем. Где она сейчас? Что с ней делают? «Три коротких стука...»

Я вскочил, как ужаленный. Сердце колотилось, будто пытаясь вырваться из груди. Я подошёл к телефону, потом отшвырнул его. Не могу звонить. Не могу спрашивать.

Внезапно я вспомнил начало этого кошмара. Точнее, тот момент, когда он перестал быть просто фантазией и стал частью нашего с ней молчаливого договора. Всё началось не с кавказцев в баре. Всё началось днём раньше. В нашем номере. С того самого работника отеля, который вошёл без стука и застал её совершенно голой перед зеркалом...

ГЛАВА 2

Он вошёл, когда я уже почти срывал с неё последнюю одежду. Дверь — я потом клялся, что закрыл её, — распахнулась. И в проёме застыл парень в униформе горничного — небритый, лет двадцати пяти, с тряпкой и пульверизатором в руках.

— Извините! Табличка не перевернута! — выпалил он, но не двинулся с места.

Его глаза, широко раскрытые, прилипли к Юле. Она замерла перед зеркалом в полный рост — спина, тонкая талия, упругая попка, длинные ноги. Всё было выставлено напоказ в золотом свете заката, льющимся с балкона.

Она вскрикнула, инстинктивно прикрылась руками и юркнула в ванную, хлопнув дверью.

Парень опомнился, пробормотал ещё одно «извините» и исчез.

А я... я остался стоять посередине комнаты с бешено колотящимся сердцем. Но это была не ярость. Не ревность. Это было что-то другое. Острое, колющее, тёплое. Это было возбуждение! Дикое, неприличное, стыдное возбуждение от того, что чужой увидел её. Увидел такую. Увидел и остолбенел от желания.

Я подошёл к двери, щёлкнул замком, и в этот момент из ванной вышла Юля, закутанная в белый банный халат. Лицо её пылало.

— Надо было дверь закрыть, Квентин! Он видел! Всё! — зашипела она.

Но в её голосе я уловил не только гнев. Там была и... дрожь. Та же самая, что гуляла по моим рукам.

— Он видел тебя, — медленно произнёс я. — Видел тебя голую.

Она посмотрела на меня — и вдруг поняла. Поняла всё. Её глаза сузились. Она медленно опустилась в кресло у кровати, нервно теребя пояс халата. Потом закинула ногу на ногу. Полы халата расплзлись, открыв белизну бедра почти до самого лобка. Трусиков на ней не было — я сбросил их на пол минуту назад.

Мой взгляд прилип к этому открытому участку её лона. И к её лицу. Она смотрела на меня, и в её зелёно-синих глазах плясали чёртики — вызова, насмешки, соучастия.

— И что? — тихо спросила она. — Понравилось?

Я не ответил. Я смотрел на неё, закутанную в белый халат, и всё внутри меня горело. Она стояла ко мне боком, и я видел, как её пальцы нервно теребят пояс.

— Он видел тебя голой, — повторил я, и мой голос прозвучал хрипло. — Видел всё. Твою грудь. Твои бёдра. Твою...

— Замолчи, — сказала она, но не зло. Скорее, умоляюще.

Я шагнул к ней. Сделал это медленно, давая ей возможность отступить. Она не отступила. Наоборот — её плечи чуть подались вперёд, будто она ловила моё тепло.

— Тебе понравилось, — прошептал я, останавливаясь в полшаге. — Не ври. Я видел твои глаза, когда ты побежала в ванную.

Она вздрогнула от узнавания. Я прав, и она это знала.

— И тебе. Ты возбудился сильнее, чем когда я раздеваюсь для тебя. Сильнее, чем когда я беру твой член в рот.

Это был удар в ответ. Честный и безжалостный. Я схватил её за пояс халата и рванул на себя. Ткань распахнулась, обнажая всё — грудь, живот, тёмный треугольник внизу. Она не прикрылась. Стояла, смотрела на меня с вызовом.

— Что ты сделаешь? — спросила она тихо.

Ответом был мой рот на её губах. Не поцелуй — захват. Жёсткий, голодный, с языком, который искал её язык, и с зубами, которые прикусили нижнюю губу. Она застонала в меня — низко, утробно, и её руки вцепились мне в затылок, притягивая ближе.

Я толкнул её на кровать. Она упала на спину, халат разлетелся в стороны. Я навис сверху, не давая ей опомниться. Мои губы скользнули по её шее — туда, где бился пульс. Я втянул кожу, пососал, оставляя след. Она выгнулась, впиваясь ногтями мне в плечи.

— Грубо. Я хочу грубо, — она укусила меня за ухо.

Я спустился ниже. Ключицы, ямочка между грудями. Она была везде солёной на вкус. Моя рука сжала её грудь, и я почувствовал, как сосок твердеет под ладонью. Я взял его в рот, провёл языком, надавил. Она вскрикнула.

— Не останавливайся...

Моя другая рука скользнула вниз, по животу, ниже пупка, туда, где уже было жарко и влажно. Пальцы коснулись её клитора, она вся сжалась, а потом резко расслабилась, открываясь мне. Я начал круговые движения — медленные сначала, потом быстрее, чувствуя, как под пальцами нарастает пульсация.

— Ты вся мокрая. Это из-за него? Из-за того, что он тебя увидел?

— Да, — В её голосе не было стыда. — Да, чёрт возьми. И из-за тебя. Из-за того, что тебе это нравится.

Она потянулась к моей ширинке, расстегнула пуговицу, молнию. Мой член выскочил, твёрдый до боли, с каплей у головки. Она обхватила его пальцами — горячими, уверенными — и направила к себе.

— Войди, — потребовала она. — Сейчас.

Я не стал ждать. Одно движение — и я погрузился в неё на всю длину. Она была мокрая, обжигающе горячая. Я замер на секунду, чувствуя, как её стенки влагалища сжимают меня, как пульсируют в такт сердцу.

— Давай, — прохрипела она.

И я начал. Сначала медленно — выходил почти полностью и снова входил, с каждым разом глубже. Она поднимала бёдра навстречу, ловя ритм. Её лицо было искажено смесью возбуждения — губы прикушены, глаза закрыты.

— Смотри на меня, — приказал я.

Она открыла глаза. В них был омут — тёмный, затягивающий. Я ускорился. Каждый толчок отдавался в моих яйцах, в позвоночнике, в самом основании желания. Она впиалась пальцами мне в ягодицы, помогая, направляя.

— Ах... м... ещё... ещё... — её стоны становились громче, прерывистее.

Я почувствовал, как она напряглась — предвестник оргазма. Её ноги обвились мою талию, прижимая к себе. Я толкался всё быстрее, почти теряя контроль. В ушах стучала кровь.

— Сейчас... Квентин, сейчас...

Она кончила с криком — резким, высоким, почти испуганным. Её тело выгнулось дугой, лоно забилося в спазмах, сжимая меня с невероятной силой. Я ещё несколько раз толкнулся, и меня накрыло следом — горячей, обжигающей волной, которая выжгла все мысли.

Я упал на неё, тяжело дыша, чувствуя, как наши потные тела прилипают друг к другу. Она провела рукой по моей спине.

— Это было... — начала она, но не закончила.

— Да..., я знаю, — подхватил я.

Мы лежали так долго. Потом она отодвинулась, повернулась на бок, спиной ко мне. Я смотрел на изгиб её позвоночника, на влажную ложбинку, и думал: «Она права. Мне понравилось. Чёрт возьми, как же мне это понравилось».

Её дыхание было неровным, прерывистым. Я провёл ладонью по её гладкой спине, спустился ниже, к округлости ягодиц.

— Юль... — тихо позвал я.

Она не ответила, но тело её чуть заметно дрогнуло. Я придвинулся ближе, вжался пахом в её ягодицы. Член снова оживал, твёрдый, горячий, скользнул между её бёдер.

— Ещё? — прошептал я в затылок.

Она медленно, словно нехотя, повернулась ко мне. В полумраке номера её глаза блестели — в них уже не было гнева. Только тёмная, влажная истома.

— Только... не грубо. Не так, как в прошлый раз. Медленно.

Я кивнул, не говоря ни слова. Потянулся к тумбочке, где стоял крем. Она посмотрела на тюбик, и в уголках её губ мелькнула усмешка.

— Знал, да? Знал, что попросишь?

— Надеюсь, — честно ответил я.

Я выдавил прохладный гель на пальцы, и она сама раздвинула ноги, приподняла бёдра, открывая мне самое сокровенное. Я начал медленно, круговыми движениями, втирать смазку в её анус — крошечный, тугой, невероятно чувствительный. Она вздохнула, когда мой палец проник внутрь, всего на фалангу, и замерла.

— Не спеши, — попросила она.

Я послушался. Смазывал снова и снова, подготавливая её, чувствуя, как мышцы постепенно расслабляются, как она начинает сама подаваться назад, насаживаясь на мой палец.

— Хватит. Теперь ты.

Я лёг на спину, и Юлия сама взобралась сверху. Нависла надо мной, опираясь руками мне в грудь. Я видел её лицо — покрасневшее, губы приоткрыты. Она приподнялась на коленях, и я направил головку своего члена к её анусу.

— Медленно, — повторила она и начала опускаться.

Я чувствовал каждое мгновение. Сначала сопротивление — тугое, почти непроходимое. Потом — головка вошла. Она замерла, прикусив губу.

— Как? — спросил я.

— Нормально... постой... не двигайся.

Она привыкала, мелко дышала, сжимая мои плечи. Потом, сделав глубокий вдох, опустилась ещё на пару сантиметров. Я застонал — настолько плотно, горячо и невероятно было внутри неё.

— Юлия... боже, какая же ты...

— Тс-с, — она приложила палец к моим губам. — Не говори ничего. Просто чувствуй.

Она начала двигаться — сначала крошечными покачиваниями, потом смелее. Каждое её движение отдавало мне в живот, в позвоночник, в самое основание желания. Я лежал, не шевелясь, позволяя ей брать меня так, как хочется ей. И она двигалась. Медленно, глубоко, со вкусом.

— Я хочу видеть твоё лицо, — сказал я.

Она наклонилась, и я поймал её губы. Поцелуй был влажным, долгим, без спешки. Я провёл рукой между её ног — её клитор был твёрдым, набухшим, скользким от её собственных соков. Я начал ласкать его в такт её движений, и она выдохнула со стоном мне прямо в рот.

— Да... да... не останавливайся...

Я нажимал сильнее, круговыми движениями, чувствуя, как её анус сжимается вокруг моего члена в ритме приближающегося оргазма. Её стоны стали громче, тело напряглось, выгнулось дугой.

— Сейчас... Ох, да... сейчас... — выкрикнула она.

Волна прошла сквозь неё — я видел это по тому, как свело её лопатки, как замерло дыхание, как она впилась ногтями мне в плечи. А потом она обмякла, упала мне на грудь, всё ещё с моим членом внутри, всё ещё пульсируя.

— Не выходи. Так. Ещё минуту.

Я обнял её, гладил по волосам, чувствуя, как наши сердца стучат в унисон. Пахло сексом, кремом и чем-то сладким — её духами, смешанными с моим потом.

Мы лежали так долго. Потом я аккуратно перекатил её на бок, не выходя из неё, и мы замерли — два обессиленных, удовлетворённых тела. Мы уснули — так и не расцепившись, в одном дыхании, на одной волне.

Под утро я проснулся. В голове настойчиво крутилась мысль: «А что, если не один? Что, если не случайно? Что, если... позволить?»

А на следующий вечер в баре появились они. Трое. Смотрели на неё так, словно уже раздели догола. И я... я поймал себя на том, что снова возбуждён. И что я смотрю на них не как враг, а как... сообщник. Или зритель.

И когда Алан подошёл и чётко, без обиняков, предложил «триста кусков за компанию», мир не рухнул. Он просто накренился, обнажив свою гнилую, порочную изнанку. И я — шагнул в неё.

Я взял деньги.

ГЛАВА 3

Я не знаю, сколько времени провёл, лёжа в темноте и слушая тишину. Точнее, не тишину, а шум моря, который доносился с балкона — ровный, убаюкивающий гул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.